

Овнатан — сын Иеремии

Посвящается памяти

Микаэла Налбандяна

Перевод Ю. Маилова

1

С незапамятных времен город стоит на горе, над самым обрывом. И весь он из белого камня, как и сама гора.

Балконы домов свисают над крутой пропастью, и в вечерних сумерках порой кажется, что они парят в воздухе, подобно призракам.

На восточной окраине города древние его властители воздвигли могучую крепость. Не только яичный белок и молоко, но и кровь рабов скрепили ее стены.

Одна-единственная дорога, узкая и извилистая, какая не приснится даже в кошмарном сне, ведет к подножью Горы, к роскошным садам и виноградникам.

Виноградники эти существуют с библейских времен, их тяжелые грозди в темноте даже излучают свет.

За ними в бескрайной равнине цветет хлопчатник и, как море, волнуется золотистая пшеница.

По долине протекает одна из самых древних на земле рек. Летом она голубая и безмятежная, как небесная лазурь, а весной разливается и тогда бушует и ревет, словно исполинский зверь.

В садах зреют абрикосы. Сочные и ароматные, величиною с добрый кулак. А яблоки так душисты, что не сравнятся с ними даже аравийская мирра. Миндаль крупный, его здесь в изобилии, инжир сладок, как мед, ярко-красные розы с бархатными лепестками пылают, словно окровавленное сердце, вишня свисает с ветки, подобно огромной капле крови, а гвоздики так много, что осенью ее косят, как траву.

И над всей этой красотой горит ослепительное солнце.

2

Было это более ста лет назад. Жители города весь день обильно поливали своим потом окрестные поля и сады, но как только сгущались сумерки, спешили обратно в гору: с наступлением темноты в долине появлялись многочисленные свирепые разбойничьи шайки.

Они грабили, убивали мирных жителей и исчезали вместе с ночью, когда на сверкающем небосводе занималась утренняя заря.

В те времена у подножья горы не было ни единого дома. Только шалаши из ивовых прутьев укрывали людей в полуденные часы.

Урожай с полей собирали обильный, столь обильный, что его хватало и жителям, и разбойникам, и даже нищим, которые каждую зиму толпами стекались в город из окрестностей.

Время постепенно разрушило стены крепости, и некогда грозная твердыня превратилась в руины. Теперь здесь базар, и в огромных казематах хранятся не копья, луки и кольчуги, а переливающиеся всеми цветами радуги абрикосы, персики, гранаты и виноград.

3

С годами разбойников стало меньше, наконец они и вовсе исчезли.

Куда они ушли? Что с ними случилось? Это тайна, и ее никто никогда не узнает.

Поговаривали, однако, что жители города, которые выделялись своими жидкими бородками, смуглыми лицами и тонким гибким станом, явно люди пришлые, а может, и бывшие разбойники. Наводили на эту же мысль их постоянно взъерошенные волосы и налитые кровью черные глаза. И, наконец, разговаривали они на местном наречии не очень бойко, коверкая слова на какой-то свой, особый лад. Их заворожила, приковала к себе непостижимой силой земля. Они остались здесь и вкусили наивысшее счастье в жизни — собственным трудом добывать себе хлеб.

Разбойников не стало, но по вечерам жители города все еще по-прежнему поднимались на гору, хотя и с трудом расставались с долиной.

Так длилось недолго. Вскоре люди чаще стали задумываться над тем, что жизни их больше не грозит опасность, следовательно, и незачем каждый день подниматься в гору и оставлять без присмотра цветники и фруктовые сады.

И вот лет сто назад у подножья горы был выстроен первый дом из белого камня. За ним без промедления — второй, третий, четвертый, пятый... — и все из того же белого камня.

Не легко было строить эти дома. Чего стоила одна перевозка камня. Не хватало людей, не хватало рабочего скота. Да и нельзя было всем заниматься этим делом, — кто бы возделывал тогда поля, кто бы собирал урожай?

4

После проливных весенних дождей и половодья в расщелинах долины скапливалась вода.

А потом под палящими лучами солнца, того солнца, что наполняет сладостью фрукты и красит в алый цвет розу, вода быстро испарялась и на дне водоемов оставался осадок — глина благороднейшей расцветки. Обезвоженная, она трескалась и расслаивалась толстыми пластами.

И вот один из жителей долины — сын каменотеса Давида, молодой Андреас — задумал делать из этой глины кирпичи.

На эту мысль натолкнули его развалины кирпичных домов, остатки древних городов и сел, сохранившиеся в долине.

— Сын мой, — сказал ему как-то каменотес Давид. — Мне жаль тебя. Ты зря стараешься... Ничего у тебя не выйдет. Глина не выдержит страшного удара молнии. Тут нужен камень.

— Нет, отец, — возразил ему Андреас, — молния пройдет сквозь кирпичную кладку и исчезнет в толще земли. А ударив в камень, она раздробит его на мелкие куски. Камень менее надежен, чем глина.

Доводы Андреаса не убедили старика, но и старик не сумел заставить сына отказаться от его замысла. Андреас, взрослый усатый мужчина, был уже и сам отцом двух детей.

По руслам горных потоков Андреас вырыл глубокие ямы и укрепил их стены. Когда хлынули ливни, ямы быстро наполнились водой. Летом вода испарилась, и на дне водоемов осталась глина того же благороднейшего цвета. Из четырех тонких, шириною в два пальца, дощечек Андреас сделал квадратную раму и заполнил ее сырой глиной. Так был изготовлен первый кирпич.

В то же лето из необожженных кирпичей были выстроены в долине десятки домов, а к следующей весне Андреас воздвиг свою первую, круглую, в два человеческих роста, гончарную печь для обжига. Теперь, после просушки, кирпичи обжигались в течение нескольких часов, потом охлаждались всю ночь, а наутро, подрумяненные и затвердевшие, их складывали на самом солнцепеке.

Возводить стены из кирпичей было гораздо легче и дешевле, чем из камня. И дома стали расти, как грибы.

Первое время Андреасу помогала жена, но спрос на кирпичи рос, и поспевать за ним было невозможно. Да и жене Андреаса становилось трудно — на руках четверо детей, а в скором времени ожидался пятый. Пришлось нанимать работников за поденную плату и харчи.

Большинство жителей города переселились к тому времени с горы в долину. Воздух здесь был мягкий, целительный. У подножья горы били студеные ключи, которые полили окрестные поля. Даже дети работали теперь в садах и огородах, под густыми кронами деревьев.

Сначала дома крыли тростником, на который насыпали землю, и в дождливое время вода часто просачивалась в жилища. Потом Андреас стал изготавливать гнутую черепицу, а так как жители не верили, что она выдержит ливневые потоки, он покрыл ею сначала свой собственный дом. Кровля выдержала испытание, и в следующем году черепица была распродана так же быстро, как и хлеб.

Возвышаясь над гущей садов, красные черепичные крыши казались букетами роз в обрамлении зеленых листьев.

Черепицу Андреас изготавливал простейшим способом. Он запрессовывал сырую глину между двумя формами, выпуклой и вогнутой. Потом сушил ее и обжигал в гончарной печи.

Старый город опустел. Да и что было людям делать на крутой горе? Тем более зимой, которая в этих краях особенно сурова. Тяжелыми свинцовыми тучами нависало небо над городом, стужу сменяла пурга, и люди на долгие месяцы оказывались отрезанными от всего мира. Да и весной на горе было не сладко, когда гремел гром и молнии рассекали каменные стены домов, словно клинком.

5

Новый город рос, процветало и дело Андреаса.

Он открыл первую на весь край гончарную мастерскую. Это было узкое, длинное помещение с низким потолком и маленькими окошечками, напоминавшее трюм корабля.

Жители долины не были замкнутыми людьми. Они стали оживленно торговать с соседями, к ним потянулись люди из других городов и сел.

В былые времена весь урожай полей подымали на гору и выставляли для продажи в старой крепости. Теперь же щедрые дары земли украшали просторную базарную площадь нового города. А крепость, словно гнездо умершего коршуна, опустела и обветшала, тогда как город у ее подножья цвел и богател.

По берегам древней реки, купаясь в лучах благодатного южного солнца, тянулись к городу караваны верблюдов. Они привозили в город весь цвет и сладость юга и, получив в обмен богатства долины, отправлялись обратно. Веселый перезвон бубенцов умолкал лишь поздней осенью, с тем чтобы весной снова зазвучать.

Андреас видел, какие плоды дает начатое им дело, как разрастается и ширится город.

Вслед за кирпичом и черепицей он взялся за изготовление труб для водопровода, который подвел к городу от подножия горы. Стал он делать и посуду: кувшины, кринки, тазы, огромные чаны для хранения воды и вина.

Неграмотный, никогда и нигде не обучавшийся лепке, гончар придавал своим сосудам простую форму, которую подсказывало ему собственное воображение.

Для этой цели он установил в мастерской гончарные станки, и двое из четырех его сыновей — Иеремия и Григор — уже работали на них.

Андреас обучал сыновей тайнам гончарного ремесла.

— Иеремия, сын мой! — говорил он часто. — Глина, особенно эта глина, лучший материал на свете. Ей можно придать любую форму.

И, с благоговением внимая словам своего отца и учителя, Иеремия, Григор, а позже и их младшие братья, старательно трудились в гончарной.

Здесь всегда было прохладно. Гончарные круги вращались, а на них, подобно нашей матери-земле, вращалась сырая, душистая глина, постепенно приобретая нужные очертания. Взглянув на грубую, бесформенную массу, никто не мог догадаться, какой вид примет она в результате обработки. Но вот ноги гончара приводили круг в движение, и масса превращалась в шар. Потом шар раздувался, как чрево беременной женщины, от него отходила длинная, словно у лебедя, шея, а когда конец шеи обрезали острой палочкой, с гончарного круга сходил сосуд с длинным, узким горлышком.

Вино из таких сосудов лилось особенно весело, журча, как весенний ручеек. Изготавливал Андреас и красные глиняные чаши, из которых жители долины с особым удовольствием пили вино, пахту и воду. Делал он и легкие красные кувшины для воды. Их вешали в тени деревьев, и вода в них сохранялась такой холодной, что, когда прикладывались губами к их горлышкам, зубы во рту начинали ныть.

Ночью кувшины с водой выставляли за окно, чтобы их остудил северный ветер, и тот, кто накануне изрядно выпил вина, всегда мог промочить пересохшее горло, стоило лишь распахнуть окно и припасть к кувшину.

Новый город обрастал десятками новых сел. Дома в них были тоже из красного кирпича и также покрыты черепицей. Тонкие стебли тыквы ползли вверх по стенам, а желтые плоды четко выделялись на красном фоне.

Осенью полевые работы заканчивались. В чанах бродило молодое вино, а с деревьев падали увядшие листья. Кружась на ветру, они мягко опускались на землю, освещенную лучами угасающего солнца, и окрашивали ее в желтый и красный цвета. Птицы улетали на юг, оставляя долину на попечение маленького героя зимней стужи — воробья.

Зимой женщины очищали хлопок, жевали свою жвачку или, собравшись вместе, болтали и хихикали, рассказывая друг другу потихоньку разные любовные истории. А мужчины тянули густое, темное, как чернила, вино, бездельничали.

В гончарной мастерской в эту пору царили безмолвие и стужа, а глина становилась серебристой от изморози. Всю зиму сюда никто не заглядывал. Одинокó мерзли станки, печально и хмуро смотрели с полок глиняные кувшины, в которых еще не играло вино.

Старый Андреас сидел дома, окруженный сыновьями, дочерьми, невестками и внуками, читал им вслух Библию в красном переплете или рассказывал о старой крепости и о Давиде — каменотесе на горе.

б

Андреас, первый гончар долины, дожил до глубокой старости. Он увидел своих правнуков и даже одного праправнука.

Все члены его семьи сызмальства умели обращаться с глиной, придавать ей различные формы. Позже они и сами не могли припомнить, когда и как постигли гончарное искусство, подобно тому как не помнили, кто и когда научил их говорить.

И все же душу старого гончара омрачала печаль. Старший из его сыновей, Иеремия, не имел детей. Ему перевалило уже за пятьдесят, когда он потерял жену, остался один и тяжело переживал свое одиночество.

Однажды Андреас подозвал его к себе и сказал:

— Все мы смертны, сын мой. Рано или поздно все превратится в прах. Но великий грех умирать, не оставив после себя потомства. Женись, пока еще не поздно, да расцветет твое дерево и принесет плоды...

И загорелись глаза Иеремии, и в жилах его, как в молодые годы, заиграла кровь.

И вот в дом Андреаса вошла новая невестка. Самая младшая по возрасту, она стала старшей среди жен сыновей гончара, как жена старшего из них. И расцвело дерево Иеремии и принесло богатые плоды. И возрадовался старый Андреас. Рассеялась его печаль, и он стал спокойно готовиться к смерти.

Старик любил Овнатана, первенца Иеремии, находил в нем сходство с собой. Чувствуя в мальчике родственную душу, любил его так, как любил глину и мать-землю, любил больше всех своих прочих внуков и правнуков.

— Иеремия, сын мой! — говорил он, — Присматривай за Ованатаном, когда я умру. Береги его! — И он, лаская, притягивал к себе курчавую голову мальчика и целовал его голубые глаза.

Остальные невестки завидовали матери Овнатана. Старик часто подзывал ее, сажал рядом и гладил густые и длинные до колен волосы женщины. С восхищением, к которому примешивалась тоска уходящего из жизни человека, любовался он ее лицом, все еще румяным, хотя она была уже матерью трех детей.

7

Однажды старый Андреас подозвал к себе Овнатана и сказал:

— Возьми перо и бумагу...

Шестнадцатилетний юноша поспешил исполнить желание деда.

Несколько мгновений Андреас лежал молча. Старику почудилось, будто затрепетали струны его сердца и он слушает самую пленительную из всех слышанных им песен — песню своей души.

Но звуки умолкли, и старый гончар, глубоко вздохнув, повернулся к ожидавшему его распоряжений Овнатану.

— Пиши... Айрапет родил Аракела, — торжественно молвил он, — Аракел родил Давида, Давид родил Андреаса, Андреас родил Иеремию, Григора, Петроса, Погоса, Сару, Югабер, Рипсима. Иеремия родил Овнатана, Маргариту, Давида...

Овнатан быстро записал слова деда и вопросительно взглянул на него. Тот продолжал слабеющим голосом:

— Овнатан родил...

Глаза старика с тоской остановились на внуке.

— Овнатан сотворил Андреаса!

Казалось, будто само бессмертие коснулось в эту минуту своим крылом старого гончара, и он вдруг увидел перед собой цветущие поля хлопчатника, услышал журчание весенних ручейков, почувствовал свежий запах глины... И на какое-то мгновение к нему вернулась молодость.

8

Но смерть пришла. Пришла, потому что утомленное тело тоскует по матери-земле и жаждет превратиться во прах.

И старый гончар, уже не встававший более с постели, которой предстояло стать его смертным ложем, пожелал увидеть тех, кто произошел от него.

Пришли все. Были среди собравшихся почтенные старики и старухи, — покорные воле Андреаса, они явились к нему в праздничных одеяниях, с украшенным золотом челом, одетые в атлас и шелк. На последнее свидание с главой рода принесли и тех, кто родился всего несколько дней назад, пришли беременные женщины, чтобы тех, кто еще не успел увидеть солнце и освещаемый им мир, кому не суждено будет увидеть лицо старца, присутствовали, находясь во чреве матери, а может быть, и слышали его последние слова.

Андреас знаком приказал своему старшему сыну Иеремии, чтобы тот поднял его и посадил. Отцу помогал курчавый, голубоглазый Овнатан. Он подложил подушку под спину и локти деда и еще одну маленькую, из голубиноного пуха, под голову.

Серые, но все еще густые брови Андреаса сходились над его угасающими глазами, как облака над багряным заходящим солнцем. Его руки со вздувшимися, разветвленными венами покоились на белоснежных подушках. Рукам этим было почти сто лет. Некогда они создали первый кирпич, из которого выстроили потом большой город. А из красных чаш Андреаса тысячи людей пили теперь в дни радости и веселья виноградное вино.

Овнатан, стоявший у изголовья кровати, почувствовал, что дед взглядом зовет его к себе.

Юноша подошел, опустив голову.

Старец вскинул брови и с грустью посмотрел в глаза Овнатана, как покидающий горы странник смотрит в голубое горное озеро. Потом он сказал: — Не обижайтесь, дети мои. Я всех вас люблю, но Овнатана люблю больше всех. Этот юноша — мой образ, мое подобие. Глядя на него, я вспоминаю себя таким, каким я был в те времена, когда обжигал первые кирпичи.

Все слушали старца с благоговением. Овнатан сел на кровать деда. Настала глубокая, торжественная тишина. Старик молча смотрел на внука и вспоминал свое детство. Затем он снова заговорил, и казалось, само безмолвие рождает его слова.

— Дети мои, я уйду из этого мира, уйду усталым. До глубокой старости я не покидал гончарного станка, мое тело пропахло глиной. Я возник из глины и снова превращусь в нее. Похороните меня на дне верхнего водоема. Я хочу, чтобы кости мои стали землей, чтобы тело смешалось с глиной, которую приносят туда потоки воды. Я хочу, чтобы из этой глины вы сделали чашу и пили из нее вино, ибо тогда губы ваши коснутся меня...

Послышались всхлипывания невесток.

Андреас хотел было рассердиться, попытался строго взглянуть на них из-под седых бровей, но близость смерти лишила его взгляд былой суровости. Старик понял это — и стих. Так уж повелось в мире. Ему надлежит умереть, а оставшимся в живых плакать. Пусть ясные глаза его детей порой покрывает пелена печали. От этого они станут лишь серьезней и мудрей.

— Я долго жил, — сказал он, — долго пил соки земли, и ухожу теперь в землю. Но останется на небе луна, останется солнце, по-прежнему будет наливаться янтарный виноград. Когда засыхает старая лоза, снизу поднимаются новые ростки. Я сохну, но глина моя дала побег. Овнатан этот побег, моя цветущая ветвь...

Овнатан еще ниже опустил голову, и старик уже не видел озерную голубизну его глаз. В душе Андреаса постепенно воцарялась непостижимая безмятежность — безмятежность угасающего пламени.

Передохнув, он заговорил снова:

— Не бросайте глину. Из нее построен этот новый город, из нее созданы и мы все. Глина неиссякаема, она вечна. Все поначалу было глиной, все когда-нибудь превратится в глину. Ключи от моего дома я передам вам, с собой я не беру ничего. Не знаю, светел или темен будет мой путь, но я ухожу без огня. Иеремия, сын мой, укрепи насыпь верхнего водоема, чтобы потоки воды не унесли мое тело. Это не так важно, но все же пусть оно покоится спокойно там. А где моя старшая невестка? Вчера я бранил ее. Нехорошо она поступила, что отрезала свои косы.

Угасающий взор Андреаса искал среди невесток мать Овнатана. Она подошла, взяла дрожащую руку свекра и прижалась к ней губами. Две горячие слезы упали на его огрубелую от работы, пропахшую землей ладонь.

Старик поднял руку.

— Как бы сохранить их, чтобы они не высохли, — произнес он. — Я возьму их с собой. Нет у меня лампы, так пусть они светят мне в пути. А он, видать, будет очень темен...

Громкие рыдания заглушили последние его слова.

Андреас остановил их. Рыдания стихли.

— Иеремия, — распорядился он, — пусть младшие невестки принесут вино. Выпейте его... Я хочу видеть, как вы пьете, прежде чем уйду от вас...

Младшие невестки побежали за вином, и скоро чаши были наполнены. Все выпили. Смочив пальцы в вине, матери увлажнили ими губы младенцев.

Вдруг лицо старика озарилось улыбкой, она была обращена в какой-то иной мир.

— ...Я ухожу... ухожу без печали... без...

И Андреас умолк навсегда.

Все встали и опустили головы. Потом Иеремия перекрестился, и все последовали его примеру.

В комнате воцарилась тишина.

9

Иеремия долго убеждал братьев, что надо выполнить последнюю волю покойного, но наконец уступил: было решено похоронить Андреаса не на дне верхнего водоема, а на его берегу.

После полудня тело старика уложили в деревянный гроб, отнесли в гончарную мастерскую и поставили на станок, за которым он проработал более полувека.

Когда по обе стороны станка зажгли длинные восковые свечи, Иеремия заметил Овнатана. Юноша сидел в дальнем углу мастерской и что-то лепил из глины. Отец подошел к нему.

— Ты что здесь делаешь, сынок?

— Это я для дедушки, — отвечал Овнатан.

Ничего не поняв, Иеремия молча обнял голову сына и поцеловал его.

На следующий день родные помогли Овнатану донести до печи огромный глиняный сундук. Никто из жителей долины и представления не имел о саркофагах, но все согласилось, что будет лучше, если положить гроб в этот сундук. Стены сундука Овнатан украсил изображениями цветов и фруктов, растущих в долине.

Утром саркофаг достали из печи и положили в него гроб.

Старшая невестка, мать Овнатана, принесла кувшин с вином, корзину абрикосов и букет роз. Все это она опустила в саркофаг. Вино поставила у изголовья, абрикосы положила в ногах, а розы — на грудь старика.

Потом саркофаг с гробом опустили в глубокую могилу, вырытую над верхним водоемом.

Священник и дьячки запели «Со святыми упокой». Им подпевали родные и друзья покойного.

Через несколько дней Иеремия и его братья запрягли арбу, взяли кирки и поднялись на гору. Там они откололи от скалы огромную каменную глыбу с белыми и зелеными прожилками, привезли ее в город и отдали каменотесу, чтобы тот сделал из нее могильную плиту.

Все то время, пока мастер трудился над камнем, Овнатан сидел в дальнем углу гончарной и что-то лепил из глины.

Никто не замечал его. Все внимание многочисленной родни Андреаса было приковано к каменотесу, с него не сводили глаз, следили за каждым ударом его молотка, а Овнатан все копался в углу.

Однажды к нему подошел Иеремия.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Посмотри сам. Как ты думаешь, на что это похоже?

Иеремия долго и внимательно разглядывал большой ком глины, который лежал перед Овнатаном, но так и не понял, что он собой изображал.

— Ни на что не похоже, сынок, — заключил он наконец.

Вскоре надгробная плита была готова. В одном ее углу, в том месте, где не было зеленых прожилок, каменотес решил начертать слова эпитафии. Другой угол он украсил орнаментом с изображениями кувшинчика с чаркой и виноградной грозди с листьями. Плите он придал вид выложенной из кирпича стены.

Иеремия и его братья долго думали о том, какую надпись надлежит сделать на плите. Проспорив всю ночь, они разошлись только с рассветом, так и не придя к согласию. Наконец братья решили позвать старейшего из учителей города и спросить у него совета.

Учитель пришел, выпил вина, съел вяленого мяса с приправой из острого красного перца, рассказал, где и когда встретил он впервые блаженной памяти достойного Андреаса, о чем с ним говорили, и даже с точностью указал место, в котором находится сейчас душа старого гончара.

Когда учитель заговорил о душе Андреаса, все встали и перекрестились.

— Какую надпись сделать нам на могильной плите? — наконец решился спросить учителя Иеремию.

Учитель поднес палец к виску, помолчал с минуту — так он делал каждый раз, когда о чем-нибудь думал, — и сказал:

Здесь покоится

первый гончар страны Андреас,

раб Иисуса Христа,

сын Давида и Мариам.

Присутствующие снова встали и перекрестились.

В этот миг со скрипом распахнулась тяжелая входная дверь. Это свежий ветер пронесся по долине между деревьями и виноградными лозами и зашелестел в высокой, почти в рост человека, траве.

Каменотес целый день высекал надпись.

В следующее воскресенье, отслужив в церкви обедню за упокой души Андреаса, родные отнесли плиту на могилу старика.

— А где Овнатан? — спросил Иеремию у жены, не найдя его среди присутствующих.

— В гончарной...

— Что он там делает?

Она пожала плечами.

Вернувшись домой, Иеремию заглянул в мастерскую. Овнатан сидел там, облокотившись на станок, устало склонив голову: последние дни он почти не спал. Иеремию подошел к сыну, чтобы упрекнуть юношу за то, что он, любимый внук Андреаса, не присутствовал при установлении надгробья на его могиле. Но тут он увидел на станке глиняное изваяние и застыл от удивления.

Глина, обретшая форму, поражала явным сходством со старым гончаром.

— Овнатан! — воскликнул Иеремию.

Овнатан поднял голову и устало улыбнулся.

— Я хочу, отец, чтобы дед продолжал жить в изваянии, — слегка охрипшим от волнения голосом сказал он.

— Пусть солнце, что долгие годы светило твоему деду, озарит своим сиянием и твою жизнь, сынок! — с трудом сдерживая волнение, прошептал старший сын Андреаса.

Иеремия долго разглядывал закрытые, как в день смерти, глаза своего отца, его густые брови, длинные волосы, открытый широкий лоб, огромную, во всю грудь, бороду и руки со вздувшимися венами.

— И это сделал ты, Овнатан?

— Да.

Так впервые узнал Иеремия, что можно создать из глины. Раньше ему и в голову не приходило, что она годится на что-нибудь иное, кроме поделки кувшинов, тазов, чаш и кирпичей. Единственное изваяние, которое он видел в жизни, было «Распятие Христа».

— А что теперь делать с этим?..

Иеремия запнулся, он не знал, как назвать то, что стояло перед ним. Ведь это была не миска, не чашка и не кувшин.

— С изваянием? — спросил Овнатан.

— Да, — прошептал Иеремия.

— Будем обжигать.

Отец и сын взяли бюст Овнатана, поставили его в печь. И когда из трубы гончарной повалил дым, жители города с удивлением переглянулись: до сих пор не было еще случая, чтобы кто-либо работал в воскресенье.

Домой Иеремия и Овнатан вернулись только к рассвету. Проснувшись в полдень, они поспешили к печи. Она все еще была горячая, фигура же затвердела, стала красной, как вареная свекла.

— Пусть она останется тут до вечера, — посоветовал Иеремия. — Ветер охладит печь, вместе с ней остынет и глина.

— Пусть останется, — согласился Овнатан.

Но когда вечером изваяние было наконец извлечено, юноша огорчился. Оттого, что его обжигали в сыром виде, оно местами потрескалось. Но Иеремия ничего не заметил. Он пришел в восторг, разглядывая широкий лоб, густые брови и огромную бороду отца.

В следующее воскресенье вся огромная семья Андреаса, его внуки и правнуки, зятя и невестки собрались вновь. Взяв изваяние, они перенесли его через овраг на могилу старика и водрузили на плиту.

И еще долго потом приходили сюда удивленные жители долины, восхищались изваянием и читали эпитафию:

...АНДРЕАС...

СЫН ДАВИДА И МАРИАМ

10

Где и как Овнатан научился ваять, никто не знал. Между тем он уже давно втайне от всех часами предавался этому занятию.

Подолгу просиживал он в церкви перед «Распятием Христа», перед изваянием ангелов с крыльями, перед статуями женщин с маленькими, молочного цвета, грудями, свежими, как бутоны розы.

В руинах старой крепости, в одном из темных ее казематов, Овнатан обнаружил несколько разбитых статуй. Тут были головы и руки без туловищ и туловища без голов и рук... Кое-где на высоких крепостных стенах тоже стояли фигуры, изображавшие людей, но и у них были отбиты или руки или головы. И все же каждый раз, когда юноша рассматривал их, его охватывало какое-то волнение, сердце начинало трепетно биться.

В гончарной мастерской юноша давно уже лепил маленькие человеческие руки, ноги и головы, но всегда украдкой. Ни отцу, ни его братьям, ни даже деду, он не осмеливался показать свою работу.

Он изваял «Распятого Христа», лепил фрукты, овощи, листья, вылепил крошечную арбу с двумя волами, точь-в-точь такую же, какая была у них в саду.

Смерть деда глубоко потрясла Овнатана, и в нем родилось желание запечатлеть его облик в глине. Попытка увенчалась успехом, это окрылило юношу, и он с еще большей энергией отдался любимому занятию.

Овнатану никогда не приходилось видеть, как лепят другие. Он был уверен, что статуи делают только из камня и бронзы, что еще никто в мире не лепил фигуры из глины, и наивно полагал, что додумался до этого только он.

Всецело отдавшись работе, Овнатан пытливым взглядом вглядывается в окружающий его мир.

Иеремия внимательно следил за работой сына. Успехи Овнатана приводили его в восторг. Но душу все же терзали сомнения. «Овнатану исполнилось восемнадцать лет, — думал он. — Я и мои братья стареем, и нам уже трудно работать, как прежде. Пожалуй, было бы куда лучше, если бы он встал за станок и делал кувшины, тазы и чаши». Но он не высказывал вслух своих мыслей, позволял Овнатану делать то, к чему стремилась его душа. «Пусть себе лепит, пока мои кости еще достаточно крепки и я могу трудиться», — говорил он.

Зато дяди Овнатана, сыновья которых работали целыми днями, то нагружая арбу глиной из водоемов, то меся эту глину голыми ногами, то разжигая печь, то таская на своих спинах кирпичи, сердито ворчали. «Парень только попусту тратит время, — говорили они, — он ничего не зарабатывает. А мастерская принадлежит всем, и доходы мы делим поровну».

— У тебя непутевый сын, Иеремия, — упрекали они отца Овнатана. — Пустой забавой себя не прокормишь. Зачем не работает, как все?

Возразить было нечего Иеремии. Ибо когда Овнатану надоедало выслушивать жалобы и упреки родных, а может быть, и из жалости к отцу, он становился за дедовский станок и делал сосуды невиданной красоты. Их нельзя было сравнить с теми, что изготовляли другие гончары. Все, что выходило из его рук, имело свои особые, неповторимые черты. Но Овнатана хватало ненадолго. Он быстро терял интерес к тому, что делал, бросал станок и,

забившись в дальний угол мастерской, лепил или гневно сжатый кулак, или сгорбленную, усталую спину, или голову.

Головы, которые он лепил, были похожи на его собственную, других моделей у Овнатана не было. Он вглядывался в осколок разбитого зеркала и переносил на глину то, что там видел.

Чем большим спросом пользовались на рынке сосуды Овнатана, тем сильнее упрекали Иеремию его братья. Они требовали, чтобы юноша работал за станком не от случая к случаю, а от зари до зари.

Жаловались и другие родственники: «Разве Овнатан не нашего поля ягода? Не считает ли он нас за ослов? Почему он не работает?»

Возмущению их не бывало предела, когда наступал строительный сезон.

— От нас требуют кирпичи, Иеремия, — говорил кто-нибудь из них. — А твой сын не работает. Лучше нам отделиться. Ты получишь свое, мы — свое. А братьями мы останемся по-прежнему.

Тогда Иеремия подзывал к себе сына и говорил:

— Овнатан, сынок, нужен кирпич.

И Овнатан, расстроенный, весь во власти своих тяжелых дум, брал в руки допотопную деревянную раму, разувался и начинал делать кирпич.

А вечерами, когда, напившись пахтанья, все укладывались спать, юноша поднимался на крышу, ложился в постель, смотрел на звезды, падающие с бархатного синего неба, и глаза его наполнялись слезами.

Неслышными шагами подходила мать, видела слезы на глазах сына, гладила его по голове и спрашивала:

— Почему ты плачешь, мой милый?

— Я не буду больше делать кирпич, — капризно, словно ребенок, отвечал Овнатан.

— Нельзя, сынок. Отец твой уже стар. Ты должен помогать ему...

Овнатан с грустью смотрел на свою еще молодую мать и молчал. А той казалось, что слезы на глазах сына — это звезды, горящие на прозрачном синем небе. И, как звезды, они постепенно меркли и гасли, когда усталое тело

юноши погружалось в сон. Поцеловав загоревший, обветренный лоб Овнатана, мать тихо уходила.

На бирюзовом фоне предутреннего неба еще яркой жемчужиной сверкала денница, а Овнатан, вскочив с постели, уже бежал в гончарную и принимался за работу. Свежий запах глины и волновал и радовал его.

Вслед за ним в мастерской появлялся отец. Он подходил к сыну и внимательно наблюдал за каждым движением. Вот глиняная масса принимала форму руки. Она вдвое, втрое больше натуральной. И, глядя на ее вздувшиеся вены, Иеремия читает летопись жизни человека, который более полстолетия трудился в поте лица своего, видит его сгорбленную спину и опаленный солнцем лоб.

Но тут в мастерскую приходят его братья со своими сыновьями. Их лица хмуры, и они косо поглядывают на Овнатана.

Тогда юноша бросает лепку, заворачивает свою работу в тряпье и подходит к старому дедовскому станку, который достался ему по наследству. Он быстро вращает гончарный круг, и глина под его пальцами приобретает все новые и новые формы — одна красивей другой.

Больше всего Овнатана восхищала гармония человеческого тела. Часто ночью он приходил в мастерскую, когда в ней никого не было, раздевался и при мерцающем свете свечи всматривался в свое отражение в зеркале. Все тело было в движении, ни единой застывшей точки... Тогда он подносил свечу к вылепленной им руке. Какая разница! Изваяние было лишь слабым подобием живого тела.

И молодой гончар пылливо искал пути к совершенству.

Долго мучился Овнатан, долго бродил во мраке, пока наконец не мелькнул перед ним путеводный огонек.

Как-то безоблачным вечером, в тот самый час, когда дети, лежа на крыше дома в своих прохладных белоснежных постелях разглядывают небо и шепчут желание, Овнатан подошел к своему младшему брату, погладил его по голове, такой же курчавой, как и его.

— Что ты любишь больше всего, Давид?

— Кататься на лошади...

— Хорошо, завтра я тебя прокачу на коне.

Забыв о звездах, Давид, не помня себя от радости, вскочил с постели и обнял крепкие мускулистые плечи брата.

— Но за это утром ты должен встать очень рано и сделать то, что я тебе скажу.

А в полдень мы покатаемся на лошади...

— Встану, — обещал Давид.

Ночью, когда над кровлями и верхушками деревьев, будто осколки солнца, сверкали звезды, мальчик долго мечтал о лошади и, заснув, услышал во сне ее веселое ржание.

Едва забрезжил рассвет, Овнатан разбудил брата. Было прохладно. Нежный утренний ветерок слабо шелестел в листьях. Собачий лай давно умолк, и слышно было только, как тихо дышит природа.

Овнатан отворил тяжелую дверь гончарной, и братья вошли в мастерскую.

— Разве лошадь здесь? — спросил Давид.

— Нет. — Овнатан улыбнулся.

— А где же она?

Овнатан, не отвечая, принес глину, положил в таз, который стоял в углу мастерской.

— Давид, — сказал он мальчику. — Я хочу тебя лепить. Скинь одежду и встань сюда.

Давид повиновался.

Овнатан приступил к работе. Это была первая его живая натура. Работал быстро, увлеченно.

Стоять неподвижно нагишом в сырой мастерской было холодно, зуб на зуб не попадал у Давида, но Овнатан ничего не замечал, а мальчишка не жаловался.

Он был тоже захвачен работой брата.

Кто-то постучал в дверь мастерской.

— Одевайся! — приказал Овнатан Давиду и поспешно прикрыл мокрой тряпкой скульптуру.

В гончарную вошли отец Овнатана и его дяди. Увидев здесь в такую рань своего младшего сына, Иеремиа несказанно удивился.

— Ты что тут делаешь? — спросил он.

— Я буду сегодня кататься на лошади! — осипшим голосом отвечал Давид. Его подбородок дрожал от холода.

Овнатан сдержал свое обещание. В полдень он оседлал лошадь, посадил впереди себя на седло младшего брата и, ударив лошадь каблуками, пустил ее вскачь по распаханному осеннему полю, красному и душистому.

И Давид перенесся в чудесный мир сказок. Его рубашка раздувалась от ветра. Раскинув руки и устремив вдаль горящие от возбуждения глаза, он представлял себе, что мчится на волшебном крылатом коне, что они вот-вот достигнут облаков...

С этого дня оба брата чуть свет приходили в гончарную и приступали к работе. Глина постепенно приобретала форму — вырисовывалась стройная легкая мальчишеская фигура.

И вот настал день, когда Иеремиа увидел скульптуру младшего из своих сыновей, сделанную руками старшего. Он долго смотрел на Овнатана, и глаза его, иссушенные солнцем, ветром и пламенем печи, впервые за много лет наполнились благодатными слезами. Измученному тяжким трудом гончару казалось, что вернулись дни его молодости, он тяжело вздохнул, ноздри невольно расширились, вдыхая знакомый запах глины.

Овнатан встревожился.

— Почему ты плачешь, отец? — спросил он.

Сын Андреаса лишь молча покачал головой.

— Ты не веришь в меня, отец?

— Верю, сынок. Потому и плачу.

И Овнатан, не говоря ни слова, бросился на шею Иеремии.

На смену затянувшейся весне пришло жаркое лето. Раскаленный воздух обжигал долину. Собаки даже в тени не находили спасения и, высунув языки, прерывисто, часто дышали. Листья и трава потемнели. Казалось, само солнце приблизилось к земле.

Как-то, в начале лета, в тот час, когда солнечные лучи жгли особенно нещадно, Овнатан увидел свою сестру Маргариту, купающуюся в водоеме, на берегу которого был похоронен их дед.

Маргарита была несколькими годами младше Овнатана. Недавно ей исполнилось шестнадцать.

В детстве брат и сестра часто купались вместе, но с годами инстинктивно стали избегать этого.

Вода в водоеме была чистой и прозрачной, как слеза, и в ней отчетливо виднелось тело девушки. Так просвечивает порой луна сквозь легкую дымку почти прозрачных облаков.

Заметив Овнатана на берегу, Маргарита смутилась и нырнула в воду. Однако вскоре голова ее показалась вновь. Сжавшись в комок, девушка энергично работала руками, чтобы держаться на поверхности. А Овнатан все стоял и, не отрываясь, смотрел на нее.

— Уйди, Овнатан! — крикнула сестра.

Юноша отошел. Он забрался в кустарник и присел в тени его, чтобы не смущать сестру. Нежный ветерок тихо покачивал траву, и она, словно ласкаясь, гладила его лицо и волосы.

Да, Маргарита уже не девочка, раздумывал Овнатан, с которой он, бывало, приходил сюда купаться. Как она изменилась. От ее детских угловатых форм не осталось и следа. Словно какая-то чужая, совсем незнакомая ему девушка случайно забрела в их водоем. Тело налилось и стало женственным, упругие груди, дрожавшие от холода поражали нежностью линий.

Решение пришло внезапно. Он будет лепить сестру.

Но согласится ли Маргарита? Впрочем, она никогда еще и ни в чем не отказывала брату. Творческое волнение охватило все его существо...

Его думы прервал чистый и звонкий девичий голос:

— Овнатан!.. Овнатан!..

Юноша выглянул из-за кустов и увидел сестру, бежавшую с легкостью лани к нему. Овнатан бросился ей навстречу, они обнялись.

— Знаешь что, Маргарита, — таинственно прошептал он, — зайдём на минуту в гончарную. Я хочу тебе кое-что показать...

Девушка взяла его за руку, и они вместе направились к мастерской. По волосам Маргариты стекала вода и капала ей на грудь и плечи.

Колокола звонили к вечерне; когда они подошли к дверям гончарной, там уже никого не было. Все закончили работу и ушли домой.

Овнатан открыл тяжелую дверь, и Маргарита вошла в мастерскую. От вечерней прохлады и какого-то непонятного страха все ее тело дрожало.

Она взглянула в глаза брата, и ей показалось, что под его густыми бровями ярко светятся два огонька. И когда они подошли к укрытой тряпьем скульптуре Давида, Маргарита прошептала:

— Я боюсь...

— Чего?

— Не знаю...

Овнатан улыбнулся.

Улыбка брата успокоила Маргариту. Ей было шестнадцать лет. Девушка в этом возрасте уже не девочка, но еще и не женщина. Она вся во власти тревожных предчувствий и непонятных страхов. То зовет ее чей-то чарующий голос, то кто-то нежно касается ее плеча. Но когда она, с трепетом в сердце, полная смятения, порывисто оборачивается — никого нет. Или это ветер крылом коснулся ее? Она все время будто с кем-то играет, и эта таинственная игра продолжается до тех пор, пока перед ней не обнажится мир, пока не разорвется завеса, закрывающая от нее действительность, пока не взойдет солнце жизни и не рассеет лучами своими темную, полную тревоги ночь, которая окутывает девичью душу.

Овнатан молча снял со скульптуры тряпье, Маргарита вскрикнула и прижалась к брату.

— Это Давид?

— Да, Давид.

Сестра со всех сторон рассмотрела скульптуру. Страх Маргариты сменился восторгом.

— Я хочу сделать и твою скульптуру, Маргарита...

— Так же, как Давида?

— Да...

— А что скажут отец и мать? — прошептала девушка.

— Никто ничего не увидит. Мы будем приходить сюда по утрам, перед началом работы, и в воскресные дни. А потом... ведь ты моя сестра...

— А ты мой брат!

И Маргарита крепко обняла юношу.

Они вышли из мастерской. Последние лучи солнца уже скользили по макушкам самых высоких деревьев, темнели красные черепичные крыши домов, а небо на западе покрывалось лиловой золой отгоревшего дневного костра.

12

— Еще два дня, и работа будет окончена, — сказал сестре Овнатан, прикрывая изваяние. В этот миг ему показалось, что под грязными тряпками скрылась сама луна.

Они вышли из мастерской.

Чуть погодя в гончарную зашел Иеремия.

Смочив глину и покрыв ее влажной простыней, он огляделся. Ему захотелось еще разок посмотреть на скульптуру маленького Давида. Он снял с изваяния тряпки и окаменел от изумления. «Кто эта бесстыжая девка, которая обнажилась перед моим сыном и позволила ему смотреть на себя?»

«Но, быть может, нагая женщина — игра его воображения?» — подумал гончар. Но нет, девушка стояла перед ним как живая. Тогда он взглянул ей в лицо... и узнал. Кровь бросилась ему в голову, все тело задрожало.

И тут его как будто окутал красноватый туман, руки сами собой сжались в кулаки, подобно рукам убийцы, готового броситься на свою жертву; сильным ударом он разбил голову статуе, затем смял ей грудь, отломал руки, стремясь прикрыть кусками глины наготу своей бесстыжей дочери. Наконец он снова прикрыл обезображенную скульптуру тряпками и пошел к двери. Но здесь им вдруг овладела непонятная слабость. Руки опустились, ноги отказались идти, и он заплакал, как ребенок. Иеремия понимал, что он разбил целую жизнь, но он не мог поступить иначе, не мог сдержать свой гнев.

Вскоре в мастерскую пришли его братья. Они сразу заметили, что с Иеремией случилось что-то неладное. Он выглядел так, словно только что потерял очень дорогого и близкого человека.

— Что с тобой? — спросили они.

— Ничего, все в порядке, — с горькой улыбкой ответил он.

И Иеремия направился к своему стайку. Его руки и ноги вновь задвигались в том же ритме, в каком они работали свыше пятидесяти лет. Сделав несколько сосудов, он взглянул в сторону отцовского станка. За ним стоял Овнатан, занятый изготовлением высокого кувшина, своей формой напоминавшего фигуру человека. Отец понял, что сын еще ничего не знает о случившемся, и его руки вновь бессильно опустились.

Когда после работы Овнатан подошел к нему, Иеремия не посмел посмотреть юноше в глаза.

На следующее утро брат и сестра, как обычно, тихо прокрались в гончарную. Сбросив тряпки с изваяния, Овнатан на секунду застыл на месте, Потом он с плачем упал на колени, обнял изуродованные ноги статуи и припал лбом к влажной глине.

Маргарита подбежала к брату, обняла его голову и прижала к своей груди.

— Кто мог это сделать? — спросила она.

— Отец, — беззвучно прошептал Овнатан, продолжая плакать.

В гончарной никого не было, и утреннее безмолвие нарушалось только громкими рыданиями брата и сестры.

— Ступай домой, — сказал наконец Овнатан.

Вытерев передником слезы, Маргарита направилась к выходу.

— Постой! — внезапно остановил ее юноша.

Девушка обернулась.

— Мы не увидимся больше. Прощай!

— Овнатан?..

Маргарита снова заплакала.

— Поцелуй мать и Давида...

Опасаясь, что отец застанет ее здесь, девушка поспешила домой.

А еще через несколько минут в мастерскую пришел Иеремия. Не взглянув на сына, он молча направился к своему станку.

— Отец! — окликнул его Овнатан, вставая.

Иеремия остановился.

— Отец, я ухожу из дому. Ухожу навсегда.

— Ступай! Мне не нужен сын без стыда и совести! — отрезал Иеремия.

Юноша ушел. Иеремия положил на круг глину, но работать он не мог. Пальцы отказывались ему повиноваться. И он все думал и думал о своем курчавом синеглазом сыне.

«Ухожу навсегда», — с дрожью вспомнил он и, не в силах более сдерживаться, побежал домой. Здесь он рассказал жене о том, что произошло, надеясь в глубине души найти у нее поддержку и утешение.

— Ничего непристойного они не сделали, — возразила мать Овнатана и Маргариты. — Ведь она ему сестра...

— Молчи, жена! — прервал ее Иеремия. — Верно сказано в священных книгах: все женщины беспутны...

И мать умолкла. Она хорошо знала, что, если добавит хоть слово, на ее голову обрушатся громы и молнии.

— Уходит? Ну и пусть уходит! — продолжал Иеремия и тут же почувствовал, как заныло сердце.

— Где Давид? — неожиданно спросил он.

Позвали Давида.

— Вот, возьми эти несколько золотых, пойдешь к дороге, что ведет к высохшему роднику, и дождись Овнатана, — распорядился отец. — Когда он пройдет мимо, отдай их ему и пожелай счастливого пути.

— Я пойду с ним! — взмолилась мать.

Но Иеремия только сверкнул на нее глазами, и она тотчас умолкла, боязливо прижавшись к стене. Слово мужчины — закон, и закон этот установлен самим богом.

Притаившись за занавеской, Маргарита слышала разговор родителей. Не успел Давид выбежать из дома, чтобы исполнить поручение отца, как она поспешила за ним.

— Подожди, Давид! Я пойду с тобой...

Девушка спустилась в подвал, взяла белье Овнатана, связала его в узел и поднялась во двор.

— Поцелуй его синие глаза, — украдкой шепнула ей мать.

Высохший родник был построен еще в незапамятные времена. По сей день его украшали каменные изваяния тигра и льва, из широко раскрытых пастьей которых некогда струилась студеная вода. Но много лет назад подземный обвал преградил путь воде, и родник перестал бить. Об этом роднике люди сложили легенду. Говорили, что будто бы каждую ночь из него идет вода. Но всего одно лишь мгновенье. И если кто-нибудь успеет испить — обретет бессмертие. Но еще никому не удалось сделать это. Иные приходили сюда на закате и уходили на рассвете, но всегда их одолевал сон, и мгновение бессмертия проносилось мимо.

Дойдя до высохшего родника, Маргарита и Давид присели на камень.

Тем временем Овнатан, на чело которого, подобно густому слою пыли, легла печаль, стоял на коленях у могильной плиты Андреаса, сына Давида, и шептал:

— Ты завещал нам не бросать глину, дед, но я все-таки уйду. Ты прав, глина добра, в ней — жизнь, но люди злы и невежественны. Прости меня, дед. Я возьму с собой горсть глины. Пусть она светит мне в пути и навсегда свяжет меня с родиной.

И на могилу Андреаса, как капли дождя, упали горячие слезы его внука.

Овнатан умолк. Он надеялся услышать голос деда. Но вокруг была тишина, и лишь ветерок тихо шелестел в мягкой траве и шуршал в листьях деревьев. К этим нежным звукам примешивались глухие всхлипывания юноши.

Овнатан встал и вышел на дорогу. Уже перед заходом солнца добрался он до высохшего родника, где его давно поджидали Давид и Маргарита.

— Отец просил передать тебе эти золотые, — сказал Давид, протягивая брату монеты.

— А вот твоё бельё! — Маргарита передала юноше узел.

Нежен был голос девушки, и Овнатану показалось, будто иссушенный веками родник вдруг ожил и его струи зазвенели серебряными колокольчиками.

Овнатан обнял Маргариту и поцеловал её.

— Будь осторожна, сестра, — сказал он тихо. — Береги себя. Никто и никогда не будет смотреть на тебя с таким благоговением, как я.

Маргарита ничего не ответила и горько заплакала.

Смеркалось. В небе одна за другой загорались звезды, и, глядя на слезы, сверкавшие на ресницах сестры, Овнатан подумал, что они улетят высоко-высоко и сегодня ночью на небе появятся новые светила.

Юноша поцеловал младшего брата, погладил его курчавую голову и, перекинув через плечо узелок с бельём, словно суму скитальца, не оглядываясь, зашагал...

Маргарита и Давид не отрываясь смотрели ему вслед, пока его не поглотила высокая зелень полей, скрывшая от их глаз и дорогу и путника.

Домой они пришли поздно, когда из-за высоких стен старой крепости, будто голова святого мученика, уже выплывала полная луна.

С их приходом тишина в доме нарушилась.

Мать встала, положила в кадку несколько горящих угольков и щепотку ладана и стала кадить по всем углам.

Синеватый дымок кольцами поднимался вверх, наполняя комнату запахом смерти.

А в темноте раздавался монотонный, раздирающий душу плач Иереми.

13

От Овнатана не было никаких вестей. Мать сложила песню о сыне и пела ее, обливаясь слезами. Плакал и Иереми, как только взгляд его падал на старый дедовский станок, за которым теперь никто не стоял.

Маргарита вышла замуж, и вскоре вся ее краса поблекла, как сорванная роза.

Давид вырос. Невзлюбив гончарное дело, он занялся торговлей.

Однажды, когда Иереми сидел за станком и изготовлял очередной кувшин, он почувствовал, что у него отнимаются руки и ноги. Усилием воли он преодолел слабость и попытался продолжить работу, но тут же упал. Его подняли, посадили на арбу и отвезли домой.

Еще на пороге Иереми слышал плач и скорбную песню, которую пела несчастная мать о своем курчавом синеглазом сыне. Его уложили в постель, и сын Андреаса мирно и спокойно, без страха перед смертью навсегда закрыл глаза.

Похоронили Иеремию рядом с его отцом.

А годом позже умерла и его жена.

Давида в городе не было. Незадолго до этого он уехал на юг за товаром, и когда вернулся, мать уже покоилась на берегу верхнего водоема рядом с отцом и дедом. Давид перекрестился, пролил несколько слезинок и вспомнил Овнатана, тоска по которому свела в могилу его родителей.

Молодой человек не пожелал остаться и родном городе. Он продал дом, все имущество и уехал на юг, где, поговаривали, приворожила его одна хорошенькая девушка-смуглянка.

— Не забывай ухаживать за могилами, — сказал он, целуя на прощанье сестру.

— А если вернется Овнатан? Что передать ему от тебя?

— Он не вернется, — безнадежно махнул рукой Давид.

— Вернется! — с какой-то внутренней убежденностью возразила Маргарита.

Брат и сестра расстались.

С той поры каждую весну, когда лили дожди, Маргарита тщательно окапывала землю вокруг могил, чтобы потоки воды не потревожили вечного покоя усопших гончаров.

14

Но вот однажды у ворот старого дома Иеремии, сына Андреаса, остановилась дорожная коляска. Из нее вышел средних лет мужчина, виски которого уже серебрила седина. Уверенно подошел он к воротам и привычным движением трижды постучал в них железной колотушкой.

Ворота отворила незнакомая женщина, и приезжий понял: отчий дом перешел в чужие руки.

— Скажите, где живут прежние владельцы этого дома? — спросил он.

Женщина перекрестилась: нельзя вспоминать о покойных, не осеняя себя крестным знаменем.

— А где Давид?

— Он на юге...

— А Маргарита?..

— Она жена Григора, сына Тадеоса...

— Где его дом?

— В нижнем квартале, напротив сводчатого родника...

Приезжий поклонился женщине и удалился.

На улице никто не узнал его, но ватага ребятишек, привлеченная одеждой незнакомца и особенно его широкополой соломенной шляпой, следовала за ним по пятам.

— Маргарита!..

— Овнатан!..

Маргарита крепко обняла брата и как родного сына прижала его к истосковавшейся груди. Из глаз капали слезы, чистые слезы радости.

Пока сестра целовала Овнатана, ее дети обнимали его ноги, а один из них даже взобрался ему на плечи.

Они много раз слышали о своем дяде, и хотя никто не сказал им, что это он, почувствовали что-то родное и потянулись к нему.

На следующее утро Овнатан и Маргарита, взявшись за руки, пошли к верхнему водоему, на могилу родителей и деда.

— Скажи, что случилось с братьями отца? — спросил Овнатан.

— Никого из них в живых нет, а сыновья их по-прежнему делают кирпичи. Посмотри, видишь дымок. Он поднимается над их печью. Мы теперь стали почти чужими.

Лишь изредка встречаемся на улице, перекидываемся двумя-тремя словами и расходимся.

— А обо мне они никогда не вспоминают?

— Помнится, однажды старший из братьев отца остановил меня на улице и спросил: «Не получила ли ты весточку от своего беспутного братца?», но я ему ничего не ответила.

Овнатан печально улыбнулся.

Они подошли к водоему. Положив на могилы розы, Овнатан долго рассматривал изваянный им много лет назад бюст деда, который от времени уже потерял свою первоначальную форму. Посмеявшись в душе над своей ранней юношеской работой, скульптор подошел к краю водоема.

Водоем был сух, и на дне его под лучами утреннего солнца блестела глина. Едва взглянув на нее, Овнатан вспомнил то, с чего начинал. А Маргарита, стоя рядом с ним, вспоминала тот день, когда брат увидел ее здесь обнаженную. Какой холодной была тогда вода! Она словно вновь почувствовала на своей груди и плечах прикосновение капель, стекающих с волос.

Они вернулись к могилам, и Овнатан, присев на плиту, под которой покоился прах Андреаса, заговорил:

— Ты велел нам не бросать глину, дед. Я ушел, но память о ней всегда хранил в сердце. И она грела меня, наполняя душу мою чудесным волнением. Теперь

я вернулся, дед, вернулся с тоской по твоей необыкновенной глине и вдыхаю ее благоуханный аромат. Я долго противостоял житейским бурям, дед. Я спускался на самое дно жизни и слышал скорбный стон человеческих страданий. Я познал всю трагедию человечества, одновременно весь комизм его существования. Знай, дед, что большинство честных людей на земле живет в нищете, и нищета эта страшнее самой смерти. Но она порождает благородный гнев и закаляет душу, она делает человека стойким и мужественным. А теперь беда пришла и в нашу страну...

Горло Овнатана сдавили рыдания, он умолк.

Маргарита взяла его за руку и показала на видневшийся вдали город. Погруженные в свои мысли, они молча шли обратно. По обе стороны дороги подымалась высокая трава, кусты шиповника и дикие желтые розы.

— Скажи, Овнатан, где ты жил все эти долгие годы и чем занимался? — неожиданно спросила Маргарита.

Овнатан присел на придорожный камень и усадил сестру рядом с собой.

— Я жил далеко, далеко на западе, — сказал он. — В стране, которую с трех сторон омывает море. На карте эта страна напоминает сапожок. Там зреют апельсины и лимоны, растут оливковые деревья, а виноградные, гроздья пышны и упруги, как девичья грудь. Теплый южный ветерок колышет коробочки хлопка, и гранаты краснеют, как губы женщин. На севере страны возвышаются горы, на которых шумят дубовые леса и вечно зеленые кедры, и хотя земля эта расположена в умеренном поясе, вся она покрыта богатой тропической растительностью. У женщин там глаза огромные, миндалевидные, глубокие, как море, и темные, как маслины. Их волосы пахнут померанцем и черны, как уголь, а стан подобен стройному тополю и гибок, как тростник. Повсюду слышны там песни...

Многие города там выстроены из белого камня. Я жил в одном из них. Он древнее самых древних наших пергаментов. Каждый камень в нем — свидетель героических событий давно минувших веков. А когда свежий ветер с моря приносит туда дыхание сегодняшнего дня, современность

переплетается с ароматом старины и жизнь становится волшебным, чарующим сном. Кажется, что звезды спускаются в море, каждый куст, каждый камень, каждая травинка трепещут, как живое человеческое сердце.

Но на самом дне этой страны раскинулось глубокое море нужды. В тисках ужасного голода гибнут тысячи и тысячи людей, старые и молодые — те самые, что строили эти великолепные, эти замечательные города. Всюду слышны стоны несчастных бедняков. Я верю, что простые труженики земли, в поте лица создающие блага, которыми не пользуются, поднимутся и сметут этот несправедливый миропорядок.

В одном из городов, богато украшенном мрамором, жил некогда величайший ваятель всех времен. Я собственными глазами видел его творения, и вот этими руками прикасался к ним. Они просуществовали века, но и сейчас, как живые, волнуют сердца. Я любовался статуей, которую изваял этот мастер, статуей старца, беседующего с богом на вершине горы, что возвышается над раскаленными песками пустыни. Величествен этот старец, борода его спадает вниз подобно водопаду. Священное писание повествует, что бог ударами грома передал ему волю свою и помог спасти народ от тирании, избавить его от голода и всех ужасов опустошения.

Я поклонился творениям старого мастера, поклонился другим тамошним мастерам и долгое время изучал их искусство. Потом я решил вернуться на родину, чтобы самому создавать скульптуры из нашей глины и белого камня.

— Скажи, брат, — спросила Маргарита, когда Овнатан кончил свой рассказ, — неужели и вправду так несчастны люди в том краю?

— Да, беспредельно несчастны.

— Но почему же столько горя в такой прекрасной стране?

— Потому, сестра моя, что все люди на земле разделены на властителей и подвластных.

Они замолчали.

По бескрайной долине песней пронесся ветерок. Закачались дикие розы, заколыхалась трава.

Когда Овнатан и Маргарита пришли домой, огромный апельсин солнца уже опускался за гору и от земли поднимался синеватый полумрак. Нежно журчали ручейки, а в листве деревьев эхом отдавался вечерний перезвон колоколов.

— Нижний этаж нашего дома свободен, — сказал Овнатану муж Маргариты. — Устрой там себе мастерскую и работай. Спать ты можешь в маленькой комнате, в той, что выходит окнами в сад, а еды, которую готовит Маргарита, хватит и на тебя.

— Ты мой брат! — сказал Овнатан растроганно.

Маргарита благодарно посмотрела на мужа.

Рано утром Овнатан надел белый халат и колпак, спустился на первый этаж и привел все там в порядок. Потом он пригласил рабочего и поручил ему пробить в стене большое окно.

На другой день Овнатан купил посуды разной, погрузил ее на арбу и привез в ней глину, которую затем свалил в углу мастерской.

На третий день он вместе с аробщиком поднялся на гору и отколол от скалы глыбу белого камня, которую тоже привез в мастерскую.

Затем он перенес туда же все инструменты, которые привез с собой из своего странствия.

Через несколько дней Маргарита и ее муж спустились к нему и, переступив порог, замерли от удивления.

— Овнатан, брат мой! — воскликнул его зять. — Эта комната еще ни разу не видела солнца, а теперь стены ее излучают свет.

С этого дня каждый вечер, когда Овнатан, окончив работу, поднимался к себе в комнату, его брови и ресницы казались седыми от белой каменной пыли.

Сначала он изваял две фигуры. Одна из них олицетворяла красоту, а другая — горе. Ноги обеих фигур вращались в грубую, необработанную каменную глыбу.

— Почему их ноги словно увязают в камне? — спросила Маргарита, когда она увидела почти готовые скульптуры.

— Этот камень, дорогая сестра, изображает землю. И красота и горе порождены ею и ею же слиты воедино.

Овнатан работал без усталости. Стук его молотка раздавался от зари до зари. Лишь изредка он умолкал, с тем чтобы через минуту зазвучать снова. И эти удары, словно удары сердца, глухо отдавались в верхнем этаже.

Много сделал Овнатан из глины. Закончив лепку, он обжигал изваяние в печи. Прошло немного времени — и мастерская преобразилась. Теперь она была заполнена скульптурами, которые, казалось, напоили сам воздух живым ароматом красоты. Вдоль стен, на полках или просто на земле — стояли статуи, и в каждой из них была глубокая мысль и подлинная поэзия.

Вот ларчик, а рядом с ним юноша с луком в руках и колчаном за плечом. Высокий, с богатырской грудью и могучими мышцами, он стережет лучшие творения человечества.

А вот другая скульптура — брат и сестра сироты. Они стоят, крепко обняв друг друга, чтобы противостоять житейским бурям.

Застывшая в прыжке нагая девушка с мечом в руке.

Человек в лохмотьях. Он стоит на коленях, склонив голову к земле, с глазами, повязанными платком. А рядом с ним мрачная фигура палача, занесшего над ним тяжелый меч.

Одна из скульптур изображает мать. Протянув вперед руки, с развевающимися по ветру волосами, она, как безумная, бежит куда-то, и кажется, что сейчас послышится ее горестный плач.

Вот землепашец. Устали его спина и руки. Сгорбившись, трудится он под палящими лучами солнца.

Группа рабочих. Крепкие и мускулистые, они кирками разрывают гору.

Старик, читающий книгу. Он тощ, как скелет, со вздувшимися венами на руках.

Молодая женщина, покинутая и оскорбленная, прижимает к груди новорожденного ребенка. Страданье и печаль на ее лице.

Среди скульптур, изваянных Овнатаном, были и скачущие лошади, и волчица со вздувшимся выменем и волочащимися по земле сосками, и медведь, схватившийся с охотником, и лев, раздирающий какое-то животное.

Одним словом, в мастерской жил и дышал целый мир.

Иногда Овнатан приводил в мастерскую натурщиц. Правда, женщины, которые соглашались обнаженными позировать, были далеко не безупречного поведения, и хотя все они в один голос утверждали, что не видели мужчины более нравственного, чем Овнатан, это бросало тень на репутацию скульптора.

— Приводит к себе уличных девок и заставляет их часами стоять перед собой голыми, — судачили вокруг.

Овнатан пропускал подобные слова мимо ушей, это еще больше распаляло сплетников. Они нашли, чем уязвить его.

— Жаль! Ах как жаль сына Иеремии! — лицемерно сокрушались они, — Ушел из дому, бродил бог весть сколько по белу свету, и хоть вернулся в широкополой шляпе, а остался таким же никудышным человеком, каким был прежде. Теперь сидит на шее у свояка и ест его хлеб.

Овнатан был задет за живое, ломоть стал застревать у него в горле, и он вывесил объявление о продаже своих скульптур.

И вот в мастерской собрался народ. Люди с любопытством рассматривали скульптуры, восхищались ими, но ни один из них и не подумал что-либо приобрести.

— Зачем нам эти статуи? — рассуждали они. — Разве могут они насытить голодное брюхо? Так за что же нам платить деньги?

Овнатан же надеялся, что-нибудь продается и он расплатится с зятем, хотя одна мысль о том, что кто-то унесет с собой его скульптуру, заставляла сердце мастера сжиматься от боли.

Но все работы остались в мастерской, и железные цепи отчаяния сковали душу и сердце их творца.

После долгих и мучительных колебаний, Овнатан решил обратиться к местным властям и предложил приобрести им его произведения с тем

условием, что они будут выставлены для всеобщего обозрения в одном из выставочных залов города.

— Профессор, — сказал ему в ответ епископ — глава епархии, — вылепи царя, Христа и святых апостолов, и я тебе хорошо заплачу.

— Через два дня я отвечу вам, ваше преосвященство, — поклонился ему Овнатан и удалился.

Отчаяние, владевшее до сих пор скульптором, сменилось гневом, и он готовился обрушить его, словно обнаженный меч, на головы своих врагов.

Спустя два дня служитель епархиальной канцелярии в сопровождении главного письмоводителя торжественно поставил к ногам его преосвященства тяжелый ларец — дар художника главе епархии.

— Откройте ларец, — приказал епископ, покашливая и с довольным видом поглаживая свою бороду.

Справа и слева от него восседала местная знать.

Главный секретарь развязал ленты, которыми был тщательно перевязан ларец, и поднял крышку.

Когда подарок был извлечен, присутствующие застыли в ужасе. Никто не осмеливался взглянуть в перекошенное от гнева лицо епископа, борода которого лихорадочно подергивалась.

В ларце оказалась миниатюрная скульптура — две фигурки, стоящие друг против друга. Одна из них изображала самого епископа, а другая Овнатана. Скульптор показывал его преосвященству кукиш, да так, что его большой палец касался самого носа последнего.

— Анафема! — вдруг заорал начальник епархии.

Его знатные гости повскакивали со своих мест.

После долгого молчания один из них сделал несколько шагов вперед, поклонился епископу и сказал:

— Не волнуйтесь, ваше преосвященство. Это может повредить вашему пищеварению.

Епископ в страхе потер живот правой рукой, на указательном пальце которой сверкал золотой перстень с огромным изумрудом, и распорядился:

— Унесите этот хлам и разбейте вдребезги.

Главный письмоводитель позвал слуг, и скульптура была тут же вынесена из зала.

Гости поклонились хозяину и поспешно удалились, а его преосвященство направилось к себе в спальню, где его поджидала одна из любовниц.

Однако главный письмоводитель не позволил разбить скульптуру. Он отправил ее к себе домой, а слугам, дабы те молчали, дал пшеницы, муки, сахару, меду и вина.

Уже дома, присмотревшись к фигуркам, он разразился гомерическим хохотом. Он вспомнил епископа, восседавшего в широком, обитом бархатом кресле, и надменное выражение его лица, застывшего в ожидании подарка, который покорно прислал ему самый гордый из всех рабов Христа.

— Искрошили, превратили в пыль и вымели вместе с прочим мусором, — доложил главный письмоводитель на следующий день его преосвященству, осведомившемуся о скульптуре.

Для художника настали тяжелые дни. Редко кто из знакомых здоровался с ним на улице, редко кто отвечал на приветствие. Епископ предал его проклятию как «безбожника» и «развратника».

Даже муж Маргариты и тот осудил Овнатана за непочтение к служителям церкви. Одна только Маргарита по-прежнему боготворила брата и верила в него. Она стирала и гладила белье его, латала рабочие халаты, штопала носки.

— Не отчаивайся, Овнатан. Если будет нужно, я продам свои косы, но прокормлю тебя, — говорила она, смотря на него преданными глазами.

Но Овнатан не поднимался больше наверх обедать. Ему не хотелось вступать в пререкания с зятем. Спрятав под передником завернутые в лаваш остатки обеда, Маргарита спускалась в мастерскую и кормила брата.

— Муж прислал, — каждый раз лгала она, чтобы Овнатан ел.

Овнатан не верил сестре, но когда она уходила, все же съедал обед.

Как-то епископ призвал к себе мужа Маргариты.

— Веруешь ли ты в бога? — спросил он его.

— Верую, — ответил раб божий.

— Веруешь ли ты в Христа?

— Верую...

— Предан ли ты церкви Христовой?

— Всею душой...

— Ведаешь ли ты, что я представитель этой церкви?

— Ведаю...

— В твоём доме живёт нечестивый пес, прелюбодей и безбожник...

Повелеваю тебе лишиться его хлеба! — поднявшись, приказал епископ. — А теперь ступай!..

— Слушаюсь, ваше преосвященство! — покорно склонив голову, ответил муж Маргариты.

Пошатываясь, как пьяный, вышел он из епископского дворца и нетвердым шагом побрёл домой.

А дома сразу же спустился в мастерскую Овнатана. Болью отдавались в его сердце удары молотка скульптора. Взяв его за руку, он с трогательной теплотой посмотрел на того, кого назвал своим братом. Жили они в одном доме, но уже давно не видели друг друга.

Увидев, что глаза зятя светятся прежней добротой и лаской, Овнатан вскочил и протянул ему руки. Они горячо и крепко обнялись.

Потом муж Маргариты подробно рассказал скульптору о своём разговоре с епископом.

— Уступи мне только это помещение, брат, — попросил Овнатан.

Муж Маргариты смущенно опустил голову.

— Пусть только никто не знает о том, что я тебя кормлю, — сказал он.

— Обещаю. Скоро, очень скоро, придет ко мне смерть, и тогда ты освободишься от меня навсегда, — спокойно ответил скульптор и поднял на зятя свои воспаленные, горящие лихорадочным блеском глаза.

Муж Маргариты снова обнял его.

— Прости меня, — прошептал он.

Лицо Овнатана озарилось спокойной, всепрощающей улыбкой.

Вечером Овнатан перенес свою кровать в мастерскую.

Ночью, сидя в одиночестве перед грудой сырой глины, он заговорил с ней, как с живым существом:

— Настал час, когда я должен вылепить из тебя в последний раз то, что задумал. Меня преследует мрак. Он преследует все человечество, принося ему горе и страдания, он везде, где гаснет светоч знания. Ты праматерь всего сущего, его первоначальная форма. Это ты даришь нам хлеб, делаешь розу алой, питаешь корни деревьев и украшаешь их ветви всевозможными плодами. Преображаясь в бесчисленное множество дивных форм, ты жила многие века, живешь и будешь жить вечно. Подари же мне свою непостижимую силу, свою необоримую мощь.

Голос Овнатана гулко раздавался в ночной тишине, заполняя сумрачную пустоту мастерской. И казалось, что он исходит из самых затаенных глубин его сердца.

И вдруг взору скульптора открылось чудесное видение, подобно ослепительному лучу, внезапно ворвавшемуся во мрак подземелья. В нем родился новый творческий замысел.

Не теряя времени, он бросился к глине и принялся лепить, придавая своему видению реальную, осязаемую форму. Он работал долго, работал до тех пор, пока не запротестовали его усталые кости.

Когда Овнатан лег наконец в постель и натянул на себя одеяло, ему показалось, что он провалился в какую-то пропасть.

Утром, когда Овнатан еще спал, Маргарита принесла в мастерскую завтрак. Проснувшись, он увидел сестру с умилением смотревшую на него, и улыбнулся. А Маргарите показалось, что в его синих глазах занялась заря.

Овнатан работал целый день. Теперь уже можно было понять его замысел. На одном из склонов холма виднелась толпа людей, молодых и старых, женщин

и мужчин. Были здесь и дети. Нагие, испуганные, они прижимались к ногам взрослых, обнимая их своими тоненькими ручонками. И все эти гонимые, претерпевшие невероятные страдания люди, с обветренными лицами и растрепанными бурей волосами, стремились к вершине горы, вслед за суровым неукротимым человеком с факелом в руке.

Здоровье Овнатана катастрофически ухудшилось, он работал с лихорадочной поспешностью, чтобы, закончив лепку, успеть высечь ее из белого камня в натуральную величину. Он слышал тяжелую поступь смерти, которая неумолимо приближалась к нему, но не испытывал страха — только бы завершить работу. Он умрет не раньше, чем воплотит в камне все муки человеческие, отобразит чудовищное напряжение утомленных мышц, страстно протянутые к вершине горы руки, пустые глаза слепца, отчаяние детей, стенания несчастных.

Глядя на осунувшееся лицо брата, его словно восковые исхудалые руки и лихорадочно горящие глаза, Маргарита встревожилась.

— Его надо немедленно перенести наверх. Он не должен больше работать, — шепнула она мужу.

— Ну конечно, — согласился тот.

Они спустились в мастерскую и стали уговаривать Овнатана, чтобы он отдохнул.

— Завтра к вечеру я закончу работу, тогда и перейду к вам наверх, — ответил скульптор каким-то странным, будто не своим голосом.

После полудня он долго отделявал мельчайшие детали скульптуры.

Вечером, усталый и вконец разбитый, он лег спать раньше обычного. Проснулся он от сильного сердцебиения. Ему не хватало воздуха. Овнатан с трудом поднялся. Он испытывал какое-то странное чувство, как будто все вокруг него непонятным образом изменилось. Скульптор подошел к окну, раскрыл его и глубоко вдохнул в себя свежий утренний воздух. Это немного подбодрило его. Сознавая, что смерть близка, Овнатан с тоской посмотрел на скульптуру. Потом взял самый маленький из своих инструментов и подошел к

ней. Он хотел закончить работу, но рука его ослабела и перестала повиноваться. Последним, нечеловеческим усилием воли Овнатан высек на вершине горы, у самых ног человека с факелом одно лишь слово — СВОБОДА.

Потом он опустился на стул, оперся правым коленом на таз с глиной, облокотился на подножье памятника и припал головой к нему. Он пытался вздохнуть, но у него вдруг перехватило горло. Тогда он спокойно закрыл глаза. Утром Маргарита, как обычно, принесла в мастерскую завтрак.

— Опять он всю ночь не спал, — прошептала она, увидев Овнатана у скульптурной группы.

Маргарита подошла к брату и взяла его за руку — она была холодна. Она схватила голову Овнатана, прижалась губами к его лбу — и он был холодный. Послышался душераздирающий крик и потом громкое рыдание. Сестра оплакивала смерть брата.

После похорон Маргарита спустилась в мастерскую и обильно оросила глину слезами. А еще через несколько дней она оделась во все черное и пошла к одному из своих двоюродных братьев с просьбой обжечь последнюю скульптуру Овнатана.

Когда это было сделано, Маргарита перенесла скульптуру в мастерскую, наглухо забила ее окна, заперла и опечатала дверь.

— Никто не переступит этого порога, пока не умрет самый младший из моих сыновей, — заявила она.

Шли годы. Прекрасные творения покрылись пылью забвения.

Страна стояла на пороге больших событий. Закачался, а вскоре и вовсе рухнул старый строй. Стоны гибнувших смешались с торжествующими голосами победителей. Люди, чьими руками был построен мир, не знавшие прежде ничего, кроме безрадостного, изнурительного труда, поднялись против своих угнетателей. Могучим неуправляемым потоком хлынули они с заводов, портов и полей, спустились вниз с горных сел и деревень и затопили города. Засвистели пули, загрохотали пушки. Были сброшены с трона тираны,

растоптаны усыпанные алмазами кресты, разорваны в клочья пышные наряды богачей, политые потом и кровью трудящихся. Народ захватил дворцы и замки, разрушил тюрьмы. И из темных подземелий вышли на свет бледные и голодные, но горящие жаждой жизни люди. Господству царей пришел конец. Вместе со всей страной поднялся на борьбу и город на берегу древней реки. Над бескрайней долиной запылало зарево пожаров, а на деревьях закачались тела больших и малых тиранов. Их, на коленях вымаливавших себе пощаду, постигла справедливая, священная кара.

Власть перешла в руки тружеников. Новое общество вспомнило о великом скульпторе, глиняные изваяния которого рассказывали о гонимых и обездоленных. Бабушка многочисленных внуков, седая Маргарита, открыла двери мастерской, с ключами от которой она после смерти Овнатана не расставалась никогда.

Смахнули густую пыль с прекрасных творений великого скульптора. Был выделен специальный зал для его работ в национальном музее. А последнюю работу Овнатана передали молодым ваятелям, чтобы они высекли ее из белого мрамора. Свежий воздух ворвался в распахнутые двери и окна темной кельи, и в ней снова зазвучали звонкие удары молоточков ваятелей. Памятник был сделан в натуральную величину, именно таким, каким был задуман он великим скульптором.

* * *

Сейчас памятник этот установлен на большой центральной площади города. Под мраморной плитой покоятся останки скульптора, на ней высечено:

ОВНАТАН — СЫН ИЕРЕМИИ